

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16–18 ИЮНЯ 2011

Деловой обед
РОССИЯ — XX ЛЕТ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
Создание творческого капитала в России

17 июня 2011 г. — 13:00–14:00, Ресторан, Зона деловых завтраков №2

Санкт-Петербург, Россия
2011

Модератор:

Леонид Парфенов, независимый журналист и телеведущий

Выступающий:

Антон Рахманов, Управляющий директор, ЗАО УК «Тройка Диалог»

Л. Парфенов:

Антону Рахманову и мне доверено вести сегодняшний бизнес-ланч. Мы должны попытаться за час поговорить про 20 лет второго русского капитализма и попытаться прикинуть, какими могут быть 10-е годы. Для удобства мы решили разбить дискуссию, в которой, как мы надеемся, вы примете активное участие, на три тематических блока, но об этом чуть позже. А сначала — беглый обзор ситуации от управляющего директора компании «Тройка Диалог» Антона Рахманова.

А. Рахманов:

Добрый день, господа. Давайте постараемся сделать мероприятие, с одной стороны, неформальным, а с другой стороны, как можно более информативным. Поэтому, конечно же, как Леонид абсолютно верно сказал, изо всех сил старайтесь принимать участие в дискуссии. Идея заключается в том, чтобы попробовать сформировать какие-то интересные идеи относительно путей выхода из создавшейся ситуации.

Кто слушал речь нашего президента, тот знает, что там он более или менее подвел ту черту, на которой мы сейчас находимся с момента либерализации. Да, конечно же, это достаточно сильное возникновение частного капитала, снижение долга и все остальные замечательные события, которые произошли в российской экономике, но хочется понять и посмотреть, где мы находимся сейчас и что нас ожидает.

Сложилась ситуация, в которой я с прискорбием вынужден констатировать, что Россия, к сожалению, теряет свое влияние на мировых рынках — как финансовых, так и товарных, и наша позиция в переговорном процессе с основными державами, к сожалению, достаточно серьезно ослаблена. Произошло это за счет вполне объективных макроэкономических событий, которые я сейчас перечислю. Первое — это, конечно же, зависимость российского бюджета от цены на сырьевые товары, от цены на сырьевые

ресурсы. К сожалению, пока что так и не получается слезть с сырьевой иглы, и когда около 70% ВВП зависит от экспорта тех самых сырьевых ресурсов, конечно, говорить о том, что построена диверсифицированная и свободная экономика, точно не приходится.

Безусловно, это очень сильно повышает чувствительность страны к тем глобальным вызовам, глобальным событиям, которые сейчас происходят. Нельзя сказать, что только Россия находится в столь невыгодном положении. Если мы посмотрим вокруг, то увидим, что ситуация, конечно же, далека от совершенства. Далека она от совершенства и в развитых рынках, и в развивающихся рынках. Более или менее понятно, что текущий прогресс и текущий основной двигатель макроэкономического роста очень сильно сместились. Сместились они со стороны развитых рынков на развивающиеся, и в этом смысле в определенный период времени России просто везло, потому что среди так называемых БРИКов, если Китай и Индия являются потребителями сырьевых товаров, то Россия является их непосредственным поставщиком. Но, посмотрев, где мы были на момент распада Советского Союза и куда мы пришли, с грустью приходится констатировать несколько достаточно простых фактов: к сожалению, за счет экстенсивного развития экономики мы никак не прибавили как ведущая мировая держава. То есть, если мы с Китаем в 94-м году начали где-то с 4% от мирового ВВП в России и в Китае, то сейчас в Китае это порядка 13%, а в России ВВП скатился на 3%. В добыче газа Россия также теряет свои позиции, и если мы составляли порядка 28–29% от мировой добычи газа в 94-м году, то сейчас это число снизилось уже на 18%. Как это надо понимать? Так, что Россия теряет свои конкурентные преимущества на мировых рынках, и переговорная позиция России как серьезной экономической державы существенно ослабла.

Президент сказал очень правильные слова по поводу инновационной экономики и по поводу тех изменений, которые должны произойти в

экономике, но, естественно, хотелось бы как можно больше конкретики и, в первую очередь, хотелось бы задаться вопросом: а какие изменения должны произойти? И что именно надо изменить для того, чтобы инновационная экономика сложилась? И здесь опять же, наверное, имеет смысл посмотреть в сторону Китая, в сторону тех изменений, которые произошли в этой экономике. Тот колоссальный рост, который произошел с 2004 года по текущий момент, имел место, в основном, за счет инноваций, которые Китай смог ввести в свою экономику и весьма успешно имплементировать.

Мы с Леонидом, естественно, обсуждали перед началом обеда, каким образом мы постараемся разбить так называемые «проблемные зоны», и пришли к такому консенсусу, что это будут три основных блока. Первый блок — экономический, то есть то, каким образом мы можем слезть с сырьевой иглы. Второй — это естественный инвестиционный климат: речь о том, что невозможно собственными силами радикально изменить текущую ситуацию. Для этого, конечно же, нужна помощь, нужны новые источники капитала. И, безусловно, нужно исправлять инвестиционный климат, нужно реформировать институты и, конечно же, привлекать инвестиции, а для этого должны быть созданы вполне конкретные предпосылки. Ну и третий, тоже достаточно серьезный и глобальный блок — то, что происходит с нацией, что происходит с российским народом на текущий момент. Где мы находимся, каково наше самосознание, к чему мы ближе — к Западу или к Востоку, к Азии? Все эти проблемы и вопросы очень сильно взаимосвязаны, но, с нашей точки зрения, требуют достаточно серьезной и детальной проработки. Поэтому давайте попробуем на них остановиться.

Л. Парфенов:

Итак, наш первый тематический блок касается сырьевой зависимости России и того, как из нее выходить. В качестве конкретного примера

хотелось бы привести очень простую и известную всем цифру. Как известно, наши аппетиты так велики, что бюджет рассчитывается бездефицитным из 120 за баррель. При этом все говорят, что это не здорово, но никто не может сказать: а какой же должна быть эта цифра для здорового бездефицитного бюджета и из какой цены за баррель следует исходить, с тем, чтобы это не было пагубно для экономики? Есть ли какие-то соображения в этой связи, в особенности у представителей банковской сферы? Господин Вьюгин, вот Вы, например, как считаете? Просто Вы ближе всего сидите, извините. Итак, еще раз повторяю: пожалуйста, подумайте, коллеги, какой вам представляется обоснованная цена за баррель в бездефицитном бюджете?

О. Вьюгин:

Надо, наверное, проявлять какую-то гибкость, потому что никто не может сказать, какова стабильная, правильная цена на нефть в долгосрочной перспективе. Видимо, здесь нужно действовать ступенчатым образом. Устанавливать для себя некоторый таргет — на сегодняшний день это, конечно, не за 100, а меньше, хотя, возможно, что стоимость нефти может быть больше 100 довольно долго. Но нужно установить таргет, — скажем, 70, — который является достаточно прочным, и руководствоваться им в течение, например, трехлетнего периода, отслеживая внимательно, что происходит в этой сфере. И потом принимать решение о коррекции. Вот, наверное, единственная правильная тактика, потому что мы имеем дело с рынком, а рынок нашим воздействиям не подчиняется. Я бы начал так: установил бы таргет 70, на нем старался бы выдерживать даже дефицитный бюджет. Но дефицит, как известно, можно цивилизованно финансировать. Потом, по прохождении некоторого периода времени, я бы смотрел, как изменить этот уровень: повесить, а может, и понизить.

Л. Парфенов:

Напрашивается вопрос: а что делать при нынешней цене? Что, Стабфонд имени Кудрина, или как?

О. Вьюгин:

Сегодня я понял, что мы тратим больше, чем на 70. Поэтому нужно, наверное, на некоторое время притормозить рост расходов. А Стабфонд, видимо, неизбежно придется формировать: другого выхода просто нет. Иначе мы получим очень волатильную ситуацию и зависимость от цены на нефть. Как это ни неприятно — а это очень неприятно — это выглядит со стороны даже очень странно. Давайте спроецируем это на домашнее хозяйство. Как разумный муж ведет свое хозяйство? Если он знает, что его доход волатилен и не гарантирован ему в будущем никоим образом, он старается иметь некоторый запас, который называется, в частности, сбережением. Наверное, здесь должна действовать такая же логика здравого смысла.

А. Рахманов:

Спасибо большое. Так что есть уже первый тост: за 70 долларов за баррель. Я вижу, что здесь сидит господин Дроздов, и, соответственно, вопрос к нему. А Вы как считаете? Я понимаю, что для пенсионного фонда прогнозировать какую-то определенную цену за баррель достаточно сложно, да и, наверное, смысла в этом никакого нет. Но в виду текущего состояния дефицита как бюджета страны, так и, особенно, бюджета пенсионного фонда, и в условиях того, что есть фокус на уход от сырьевой зависимости в экономике, в переходный период неизбежно увеличится дефицит бюджета. Каким же образом мы будем его финансировать?

А. Дроздов:

Дефицит у нас действительно есть, но он управляемый, рассчитан на трехлетнюю перспективу и сбалансирован, безусловно, с помощью дотаций из федерального бюджета. Что касается цены на нефть, то, по правилам, бюджет составляется из двух вариантов — оптимистичного и пессимистичного, и, безусловно, консервативный или пессимистичный вариант должен основываться на очень консервативном понимании той цены, исходя из которой в федеральном бюджете и бюджете пенсионного фонда необходимо формировать расходные обязательства. И если этот порог будет равен 70 — ну, значит, 70. Для этого необходимо уже смотреть (я согласен с господином Вьюгиным) на те тренды роста цен на нефть, которые сложились за последние 5-10 лет. Таким образом, будет обеспечена некая стабильность в финансировании расходов, которые мы взяли. Что касается общего поведения, то наша стратегия — ограничивать те расходы, которые мы на себя берем, с помощью ограничения обязательств, и по этому поводу мы активно работаем и готовим сейчас новую стратегию развития пенсионной системы.

Л. Парфенов:

У меня вопрос к Вам же в продолжение, потому что я не первый раз слышу такие аргументированные серьезные мнения о том, что 70, 80, особо смелые говорят 90 — это уж совсем хватит. Как Вы считаете, в чем причина? Нехватка политической воли? Или политическая ситуация такова, что в выборный год тратят много и так далее? Почему между словами о том, как плохо считать по 120, и делами о том, чтоб снизить хотя бы до 90 или даже до 70, как предлагает господин Вьюгин, такой зазор?

А. Дроздов:

Во-первых, я тут никаких противоречий не вижу. У нас по-прежнему бюджет считается в двух вариантах, и для расходных обязательств принимается

пессимистичный вариант. Здесь вопрос только в том, высока эта планка или она оптимальна? Кто-то говорит 70, кто-то — 97. Здесь уже, наверное, сейчас идут объемы тех обязательств, которые накоплены, и их нельзя снижать. Та планка, которая есть, мне кажется, в основном, обоснована теми обязательствами, которые уже приняты. А что касается наращивания новых, то это общая политика. И министерства, и ведомства должны к ней прислушиваться. Поэтому, если мы будем наращивать новые обязательства, то не исключено, что эта планка будет выше. Мы просто не можем упасть ниже фактически достигнутого уровня.

Л. Парфенов:

То есть тот аппетит, который уже нагулян, все равно сократить невозможно?

А. Дроздов:

Его можно сократить, но путем реформ. И не за один год. Например, снижение числа чиновников, занятых в госсекторе. Эта программа есть, она рассчитана на три года; объявлено, что это число будет снижено на 100 тысяч. Или, например, сокращение армии путем повышения эффективности. Все эти реформы, к сожалению, требуют много времени и так просто обязательства не снизить. Спасибо.

А. Рахманов:

Кстати, вот интересная тема, которая только что была затронута: число чиновников в госсекторе. За последнее время мы увидели достаточно серьезное огосударствление экономики. С начала 90-х количество занятых в госсекторе чиновников увеличилось с 700 тысяч человек практически до двух миллионов. Понятно, что это дополнительная нагрузка на налогоплательщиков, дополнительная нагрузка на бюджет. Но, помимо

всего прочего, мы видим достаточно реверсивный тренд, — произошла, в определенной степени, деприватизация. И влияние государства и роль государства в частном бизнесе также достаточно сильно увеличились. Так, если в нефтедобыче государство в начале 90-х контролировало где-то порядка 5%, то сейчас это уже хорошо за 30%, что, наверное, тоже не ведет к существенно большей открытости экономики. Частично, естественно, это результаты кризиса 2008 года, когда, по сути, государство было вынуждено взять часть активов на свой баланс, но частично это произошло за счет формирования достаточно больших холдингов, про которые мы все знаем: это «Рособорона», «Росавиа», «РОСНАНО» и так далее. И вот это, наверное, тоже не самый замечательный тренд, который точно не приводит к улучшению инвестиционного климата.

Л. Парфенов:

У нас, таким образом, второй тематический блок, связанный с инвестиционными возможностями и деловым климатом в стране. Что-то сначала произнесете, нечто вводное?

А. Рахманов:

Нечто вводное — это достаточно просто: те реформы и те изменения, которые должны быть произведены в стране, невозможны без дальнейшего открытия и интеграции российских рынков и без дальнейшего привлечения достаточно серьезных инвестиций. Причем мы говорим про абсолютно серьезные инвестиции. В определенной степени порадовало сегодня выступление товарища Ху Цзиньтао, который сказал, что все-таки достигнуты уже какие-то конкретные намерения между Россией и Китаем: это увеличение торгового оборота сначала до 100 миллиардов в 15-м, а потом до 200 миллиардов в 20-м году. Но это, естественно, надо делать не только с Китаем, но и со всеми остальными торговыми партнерами и, в том

числе, за счет привлечения инвестиций. Понятно, что здесь в определенной степени все очень сильно зависит от государства, потому что если посмотреть, например, на сырьевой сектор, то все мировые нефтяные компании просто в очередь стоят, чтобы получить доступ к российским резервам. Потому что ситуация сложилась достаточно уникальная. Если мы посмотрим на среднюю продолжительность жизни резервов ведущих мировых компаний, то она уже максимально приблизилась к критической отметке в 10 лет. О чем это говорит? Об очень простой вещи: через 10 лет тот же самый British Petroleum или Exxon Mobil просто не сможет поддерживать добычу углеводородов на том уровне, на котором он поддерживает ее сейчас. То есть либо им надо радикально увеличить CAPEX, либо им надо снижать добычу. И в этой связи, конечно, те страны, которые обладают, в определенной степени, повышенными нефтяными резервами и до сих пор еще не извлекаемыми — такими, как в России, — конечно же, находятся в очень выигрышной ситуации. Но для того, чтобы эти инвестиции пришли, конечно же, должны произойти определенные изменения. И, соответственно, вопрос: кто-то еще что-то хочет сказать по поводу инвестиционного климата? Леонид?

Л. Парфенов:

Мы говорим о 20-ти годах развития второго русского капитализма. И вот сейчас тема этого тематического блока — изменение инвестиционного климата, делового климата в стране. Как вам кажется, за эти 20 лет и, уж во всяком случае, за последние 10, за 2000-е, все это шло к лучшему или к худшему? Или топталось на месте? Если почитать деловую прессу, так вроде все хуже и хуже становится.

С. Дубинин:

За эти годы становилось лучше. Я недавно открыл детскую книжку, которую читал своим сыновьям, советского издания, и там было описание некоего фантастического капитализма, совершенно ужасного, со стрельбой друг в друга, с какими-то шпионами, которые служат не государству, а частным фирмам и так далее. Вдруг я понял, что где-то в середине 90-х годов что-то подобное мы и построили: видимо, мы так начитались этих детских книжек, что построили что-то очень похожее. Теперь я должен был ее уже внукам читать, но я эту книжку выбросил. Я предпочитаю читать, может быть, сказочную литературу, но в которой написано про *corporate governance*, про *compliance* в наших фирмах. И с большим удивлением должен констатировать, что все эти слова перестали быть чем-то непонятным для российского бизнесмена, и, собственно, ко всему этому мы реально переходим. Безусловно, в этом смысле бизнес обгоняет наши государственные институты — и это при всех постоянных пинках в сторону «лихих» 90-х годов. К сожалению, как раз государственные институты медленнее эволюционировали из той самой реальности; они, по-моему, все еще живут в той, прежней, фантастике, ожидая всяческих ужасов от бизнеса, друг от друга и так далее. А вот теперь, видимо, пришло время их перенастройки. Сегодня в выступлении Дмитрия Анатольевича Медведева, нашего президента, я услышал слова именно об этом — как мне показалось, именно об этом, — чему я очень рад.

Л. Парфенов:

Спасибо. Анна Немцова все эти годы в разных британских изданиях писала о русском деловом климате, и я хотел бы спросить ее, поскольку британские издания особенно критичны к русскому деловому климату и к тому, какой здесь построен капитализм. Как Вам кажется, это соответствует действительности? Вот тот, нехороший имидж России как страны бизнеса?

А. Немцова:

Вообще-то, парадоксально было сейчас это услышать, потому что все, что сказал Леонид Парфенов, мой старый коллега, все — неправда. Я не писала в британские издания: я писала в американское издание Newsweek, в одно-единственное, все последние пять лет. И писала я, в основном, о политике, о социальных проблемах в России, а об инвестиционном климате и бизнесе почти никогда не писала. Но могу сказать, какие впечатления сложились у меня за все эти годы. Больше всего расстраивает непрозрачность происходящего. То есть я не знаю, что такое климат. Для меня климат — экономический или политический — это, все-таки, когда хочется понимать, что происходит (может быть, после нескольких лет в Америке). То есть нам — корреспондентам, работающим здесь, в этой стране — хочется задать главный вопрос всем присутствующим здесь своим собеседникам: а вы понимаете, что происходит в России? Вот что сейчас происходит? Началась настоящая предвыборная борьба? Что означала речь президента на самом деле? Это предвыборная речь? То есть, если я здесь все-таки задаю вопросы, мне бы хотелось каких-то ответов на эти вопросы.

Л. Парфенов:

А на какие вопросы Вы еще не получаете ответов вот эти пять лет, кроме сегодняшних? Я просто помню, как Вы расспрашивали Потанина про то, какво разводиться с Прохоровым: это было тоже, совершенно очевидно, непонимание. Еще что?

А. Немцова:

Я очень часто сейчас езжу на Северный Кавказ: езжу в Чечню, Дагестан, Ингушетию. Там идет война, то есть это какая-то скрытая война в Ингушетии и Дагестане, и при этом я разговариваю с господином

Хлопониным, с бюрократами, с чиновниками, и слышу только об инвестициях на Кавказ, в туризм. Тут есть какое-то несоответствие: есть наше видение картины, когда мы там работаем, и видение отсюда, из Москвы того, что там происходит. Вот, наверное, основной вопрос: ребята, а мы понимаем, что мы делаем?

Л. Парфенов:

А Вы Хлопонию об этом спрашивали? И что он Вам отвечает? Что он делает туристический кластер?

А. Немцова:

Да, то есть я ему рассказывала о своих впечатлениях, я писала про реформы Ислама в исламских университетах. Существует огромный разрыв между, скажем, мусульманами-суфиями, их образованием, и совершенно подпольным суфистским образованием. На что господин Хлопонин сказал: «Аня, не влюбляйтесь в эту историю, пускай этим занимаются правоохранительные органы, а мы будем вкладывать деньги в туризм».

Л. Парфенов:

А потом, после очередного взрыва, выходит «Коммерсант» с заголовком «Террористический кластер».

А. Рахманов:

Да, но, конечно, на тему инвестиционного климата нельзя не спросить инвестиционных банкиров: а, собственно говоря, что они думают по этому поводу? Вот, я вижу, господин Яновский сидит. Я думаю, что у него точно есть по этому поводу какая-то точка зрения. Ян, среди клиентов, особенно

среди западных клиентов, что Вы видите в последнее время, какое господствует мнение?

Я. Яновский:

Вы знаете, я с Анной должен не согласиться. Мне кажется, на вопрос, что в России происходит, можно спросить: а что происходит в другой стране? Вот Вы четко понимаете, что происходит в Америке? Кто будет там избираться и так далее? Мне кажется, что просто в России мы сами находимся немножко ближе к власти и, наверное, поэтому возникает больше вопросов. А что касается инвестиционного климата в России — безусловно, вопросов много. Спрашивают, что будет дальше, что будет с рублем, что будет с нефтью. Спрашивают, стоит ли идти в Россию. Спрашивают, как работать с властью. То есть западные инвесторы плохо понимают, как им выстраивать отношения с российской властью. Причем если крупным компаниям проще: они более заметны для этой власти, — то компаниям среднего уровня в принципе этого очень сложно добиться. Допустим, инвестбанкиры обслуживают сделки в России — это «сто плюс». А если это small business, который хочет прийти в Россию — им куда податься? То есть мне кажется, что если бы обратили внимание на создание единого окна, которое позволило бы наладить общение между западными инвесторами и властью, это было бы полезно. Единое окно.

Л. Парфенов:

Можно тогда еще в продолжение вопроса: дело «ЮКОСа», которое было знаковым на протяжении всех 2000-х, по-Вашему, сместилось из сферы чистой экономики, когда говорили, что это негативный фактор для инвесторов и так далее? Оно сместилось? Когда смотришь прессу, кажется, что это дело прав человека, независимости суда, личной судьбы двух

людей. Оно продолжает влиять, это все еще дело «ЮКОСа», или уже только Ходорковского и Лебедева?

Я. Яновский:

Я бы сказал, что это фактор-раздражитель для инвесторов. И если бы этот фактор ушел, это был бы плюс для России.

Л. Парфенов:

А Вы каким видите уход этого фактора?

Я. Яновский:

Ну, какое-то освобождение людей.

Л. Парфенов:

Понятно, то есть это второй организованный тост, который созрел за столом. Спасибо. Итак, мы, очевидно, переходим к третьему блоку. Третий блок мы решили посвятить теме ценности, магистральному выбору пути, стратегии развития страны, самоопределения страны.

Когда-то был замечательный корпоративный доклад «Северстали», название которого очень уместно звучит здесь, на Питерском форуме: «Почему Россия не Финляндия?» Впору задавать вопрос, почему Россия не Эстония, поскольку другая соседняя с Ленинградской областью страна с 15 января, как известно, в зоне евро. Ясно, что в этих бывших осколках Российской империи строительство капитализма шло совсем другими темпами. Наверное, это было связано с тем, какой был консенсус у населения и у элит по поводу того, что это за страна, как она возвращается в Европу, чего она хочет добиться, каковы ее идеалы? В России, судя по тому, как периодически начинают хлопать себя по карманам, вспоминая, где же у нас национальная идея, очевидно, такого идеала нет. Вот

Александр Рар, виднейший германский специалист по России, который столько всего написал за эти годы, включая книжку «Немец в Кремле». Ваше мнение: за эти 20 лет Россия стала более западной страной? Выбрала ли она путь в Европу?

А. Рар:

Леня, она очень нормальной страной стала. Уже даже скучно. Поскольку всегда на Западе считалось, что от России происходили новые идеи — или положительные, или негативные, — весь мир сотрясаясь после того, как Россия что-то придумывала. А сейчас Россия не изобрела ничего нового, она повторяет путь капитализма — правда, дикого капитализма. Но это нормально. Я думаю, тот факт, что в России создан институт частной собственности, — это и была революция. И второе — это молодое поколение. Люди моложе 40 лет сейчас чувствуют себя как граждане мира. Такого в России никогда не было. Через 10 лет Россией будут управлять люди, которые получили заграничное образование, которые себя чувствуют такими же европейцами, как немцы, и это очень важно для развития страны. Я бы очень хотел, чтобы через два месяца, когда мы будем вспоминать 50-летие построения этой ужасной берлинской стены, которую нынешнее поколение вообще не помнит — чтобы в этот же момент вспомнили, что пока еще есть какие-то барьеры, и нужно, конечно, как можно скорее создать безвизовый режим, чтобы Европа создавалась на этих общих началах. Вот это, я думаю, самая главная идея, которой еще нужно добиться. Российским предприятиям я желаю, чтобы они открывали как можно больше своих представительств на Западе — этого еще нет, кроме как у Газпрома, — и внедрялись бы в западную жизнь. Там себя бы рекламировали и таким образом поправляли бы имидж России. Я думаю, на это очень нужно обратить внимание, потому что Россию больше бы познавали не только из уст Медведева и Путина, но и через

предпринимателей и предприятия, которые выступали бы на рынке. И тогда мы бы совместно создавали гражданское общество, о котором Вы говорили.

Л. Парфенов:

Я еще ничего не сказал про гражданское общество. Я пока спросил просто про это движение. Из вашей книжки «Немец в Кремле» не очень понятно, европеец ли этот немец, находившийся там тогда, но и сейчас не далеко ушедший оттуда. Существует ли выбор возвращения в Европу как идеал, как стратегия, как некая национальная идея?

А. Пар:

Я думаю, что Россия — европейская страна. Единственное, что Европа стоит на каких-то других понятиях, что у нее какая-то либеральная экономическая модель, которая сегодня лидирует во всем мире. А Россия не успевает за этой идеей. Я думаю, что Россия будет создавать на восточной части Европейского континента свою, тоже либеральную Европу — может, не настолько демократическую, но это будет сожительство внутри Европы, и все равно мы будем жить в одной Европе. По-моему, другой альтернативы для России просто нет.

Л. Парфенов:

Спасибо.

А. Рахманов:

У меня тоже сразу будет вопрос к Вам, Александр. Если открыть границы и сразу же существенно либерализовать визовый режим, не ухудшим ли мы уже достаточно сложную демографическую ситуацию в этой стране, когда мы видим, что происходит достаточно серьезный отток мозгов. Причем «утекают» достаточно успешные мозги. Естественно, это люди, которые

здесь многого достигли, часто это очень молодые люди, и замещение происходит только за счет миграции из стран Ближнего Востока. То есть в результате мы видим, что IQ популяции размывается.

А. Пар:

Я думаю, что это проблемы скорее 90-х годов. Сейчас кто уехал, тот уехал, сейчас люди возвращаются в Россию. Я Вам подскажу другое: безвизовый режим нам в Европе откроет дорогу в Россию, которая пока достаточно закрыта. Нужно вам выдвинуть мегаидею, совместную мегаевропейскую идею, именно совместную: обустройство, модернизация Сибири. Конечно, под российским контролем, под российским началом, но привлекать не только в «Сколково», но и в эти европейские земли умы Запада, которые точно будут туда приезжать, если они будут там достаточно зарабатывать, чтобы осваивать Восточную Европу. Вот эта идея, я думаю, может быть очень привлекательной для всего мира, и Россия может выдвинуть здесь действительно сильную экономическую идею, магнит для очень многих людей, и вы увидите, что это будет действовать.

Л. Парфенов:

Мегаидея, согласен.

Господин Станкевич, присутствующий на нашем обеде, — из тех, кого принято именовать демократами первой волны. Когда начинался русский капитализм, я помню, как межрегиональная депутатская группа все никак не могла осмелиться вымолвить и «капитализм», и даже «частная собственность» — как-то комом в горле стояло. Но все-таки тогда были представления и идеалы по поводу того, к чему стремится, по крайней мере, элита. Как Вам кажется, эти идеалы сбылись хоть до какой-то степени или они были пересмотрены потом?

С. Станкевич:

До какой-то степени, несомненно, сбылись. И слава богу. И свидетельством этому является сам этот Форум, проводимый именно в новой России. Конечно, на 20-летнем пути мы немало и потеряли. И я, пожалуй, назову только две основные потери последнего периода. Мы постепенно теряем конкурентность и состязательность в экономике за счет увеличения государственного сектора в политике и в общественной жизни. И дальнейшая утрата состязательности и конкурентности, и даже застой, о чем сегодня говорил президент, — вот очень серьезная угроза, в том числе, и для инвестиционного климата. Ну и, наконец, еще одна очень серьезная дестабилизирующая угроза — это вопиющее социальное неравенство. Здесь надо действительно что-то срочно делать, иначе эта мина рано или поздно в России взорвется. Ну, и о позитивных вещах, которые незаслуженно забыты: сталинская индустриализация в Советском Союзе, которую мы справедливо осудили, породила сотни концессий с участием иностранного капитала. К сожалению, в нынешней, обновленной России концессий нет. Хотя у нас есть замечательный, я считаю, закон — один из лучших наших законов в сфере экономики: закон о концессиях. Но сами по себе концессии можно пересчитать по пальцам. Между тем, и очень многие наши сырьевые ресурсы, и инфраструктуру, и жилищно-коммунальный сектор надо отдавать в концессии, на 25–30–40 лет. Тогда горизонт планирования у иностранных инвесторов будет гораздо шире. Тогда мы избавимся от того состояния, что у нас почти все инвестиционные проекты короткие и спекулятивные, за редкими исключениями. И тогда можно говорить о каком-то стабильном развитии. О концессиях хотелось бы больше услышать на этом Форуме и, может быть, от присутствующих здесь опытных инвесторов. Спасибо.

Л. Парфенов:

Когда в 89-м году создавалась первая не оппозиция, но, по крайней мере, фракция под названием «Межрегиональная депутатская группа», тогда же был фильм «Россия, которую мы потеряли», и, казалось, что эта новая Россия будет возвращением, к 26 октября 17-го года: мы приклеимся, как на монтажной склейке на телевидении, и восстановим опять замечательную страну. А что, по-Вашему, получилось? Это третья страна? Это не та Россия, которая была до революции, это не Советский Союз, а что это? Постсоветская Россия — какой считать эту цивилизацию?

С. Станкевич:

Это очень важный вопрос, на первый взгляд, далекий от экономики. Надо внятно понимать, что за страна нас окружает и куда она развивается. Мы действительно продолжатели исторической России, и от этого ни в коем случае нельзя отказываться. Но Россия никогда не существовала в таких границах. Россия никогда не пробовала — это впервые, это грандиозный эксперимент — никогда не пробовала построить правовое демократическое социальное государство. Это первая проба в истории России. И, конечно, в таких границах, с такими целями, это существенным образом новое государство. И нашим лидерам надо отказаться от реакционного мифа о лихих 90-х, о том, что государство возникло якобы в результате катастрофы, о том, что первые десятилетия возникновения нового государства были сплошные потери. Это не так: да, это был отказ, это были потери, но это был отказ от отжившего, в том числе, и в экономике. Да, возникало что-то слабое, но это были слабые ростки нового общества и новой экономики. И вот эта государственная реакционная мифология — один из тормозов, негативно влияющих, в том числе, на инвестиции. Общество, устремленное в будущее, привлекает инвестиции. Привлекает инвестиции общество, желающее достичь лучшего будущего, а не то, которое бесконечно погрязает в дискуссиях о прошлом и пытается его

задним числом переиграть. Поэтому, конечно, сегодня, когда я слушал выступление президента, когда он говорил: «Это не мой выбор — государственный капитализм, а мой выбор...» и так далее. Вот таких выступлений хочется больше — когда говорят, что мы отвергаем, а что, наоборот, является нашей целью и к чему мы стремимся. Вот такое внятное объяснение со стороны власти, что же она хочет сделать со страной, и тем самым взятие ответственности за провозглашаемые цели — это крайне необходимый элемент, и здорово, что он сегодня на Форуме прозвучал.

А. Рахманов:

Сейчас была затронута очень интересная тема, и давайте попробуем ее немного развить. По сути, это тема долгосрочных инвестиций, тех самых концессий, и в связи с этим, я думаю, что точно стоит сказать про формирование внутреннего инвестиционного потенциала, про формирование внутреннего инвестора. Потому что невозможно изменить и построить экономику только за счет, например, долгосрочных внешних инвестиций. Без всякого сомнения, нужно формировать внутренний инвестиционный потенциал и внутреннего инвестора, сделать так, чтобы те средства, которые накоплены внутри страны, максимально эффективно работали, в том числе внутри экономики. И здесь, я считаю, нужно посмотреть в сторону того, что уже накоплено. Конечно же, это пенсионные средства. Каким образом пенсионные средства могут максимально эффективно работать в экономике? Каким образом их можно инвестировать в те самые инфраструктурные проекты, которые сейчас максимально насущны и необходимы. Господин Дроздов, давайте, я к Вам еще раз обращусь.

А. Дроздов:

В девятом году уже было принято решение о расширении перечня активов, в которые могут быть вложены пенсионные средства, и, как вы знаете, это сейчас облигации, облигации корпоративные, не обязательно гарантируемые государством, это ипотечные бумаги компаний с определенными рейтингами. Поэтому в прошлом году все были приглашены для того, чтобы делать проекты, запускать эти инструменты, и тогда инвестиционные средства — в частности, те средства, которые находятся во «Внешэкономбанке», — могли быть направлены на эти цели. Но вот в прошлом году таких проектов не было, и единственное, куда эти средства были направлены, — это размещение облигаций «РОСНАНО». Мы ждем, и я думаю, что в этом году появятся эти проекты. В частности, всех интересует платные дороги и иные, инфраструктурные, в первую очередь, проекты. Также ипотечный рынок, в прошлом году лимит был около 250 миллиардов, но, к сожалению, использовано 125. Я хочу сказать, что пенсионные средства длинные, они растут. В настоящее время у нас накопительная часть пенсии уже полтора триллиона. И к концу 12-го года будет два. Я считаю, что это очень хороший потенциал. Во всех странах пенсионные фонды активно участвуют в консервативных и длинных проектах. Просто, мне кажется, здесь нужна воля государства и доверие бизнеса к тому, чтобы создавать эти длинные, не спекулятивные проекты. Например, это инфраструктура, это ЖКХ, это энергетика и так далее. Так что с нашей стороны предложения есть. Нет пока спроса.

Л. Парфенов:

Пожалуйста.

А. Серов:

Спасибо. Я хотел бы связать в дискуссии несколько тем, которые здесь прозвучали. Темы эти — цены на нефть, инвестиционный климат,

открытость, тема ценности будущего России вообще и отток мозгов. Теперь разрешите мне представится. Я Андрей Серов, профессор в Оксфордском университете. Занимаюсь ускорительной физикой, то есть, казалось бы, совсем далекой от большинства присутствующих здесь темой. Но я считаю, что эти темы очень сильно связаны, потому что инновации, о которых мы все говорим, — это идеи, которые приходят из науки. А наука связана со многими вещами, которые нужно развивать и улучшать в России. В частности, как известно, образование, но не только образование. Например, чтобы иметь в России хорошее образование, надо, чтобы фундаментальная наука тоже развивалась. Потому что хорошие профессора, хорошие преподаватели приходят как раз из фундаментальной науки. Еще другой пример: чего не хватает России в инновационной инфраструктуре, так это связи между наукой и производством. Потому что именно эта связь включает элемент большого риска для компаний, которые не могут вложить свои кровные деньги в рискованные научные проекты. Должна быть структура — государственная структура, научная, — которая разделит риски с компаниями. То есть некие научные инвестиционные центры. Это элемент, который очень развит на Западе и который сейчас развивается, к счастью, в России с примером в «Сколково». Дальше — тема ценностей. Мы обсуждали сейчас цены на нефть. Почему бы одновременно с ценой на нефть не обсудить, сколько процентов дохода от продажи нефти идет на инвестиции в науку. То есть, по-моему, это очень сильно связано. Допустим, цена на нефть 70. А почему не обсудить зарплату аспиранта, например, в каком-нибудь университете? Это должно быть очень коррелировано. Это та вещь, которую нужно действительно обсуждать и менять; это то, что изменит будущее России. Опять вот тема ценностей: почему я стал физиком? Прочитал какую-то книгу, которая была интересной, открытие 104-го элемента в Дубне — вот

то, что меня вдохновило стать физиком. Ценность науки, знания должна быть возвышена в России будущего. Спасибо.

Л. Парфенов:

А вот господин Рар сказал про то, что нет больше утечки мозгов, что это картина 90-х. Я, несколько раз в последнее время бывая в Великобритании, сталкивался с тем, что русские клубы есть в любом из британских вузов. Впечатление: а кто еще здесь вообще учится? И в Кембридже, и в Оксфорде, и в Школе бизнеса. Ваше ощущение: какой сегодня процент тех, кто, получая образование, не собирается возвращаться в Россию? Меньше он или больше того, что было в 90-м?

А. Серов:

Развивая проблему утечки мозгов, я, к сожалению, хочу сказать, что, хотя было отмечено правильно, что сейчас начались шаги обратно, что люди возвращаются — но они возвращаются не столько и не только потому, что изменился климат и так далее. Они возвращаются через силу, они чувствуют ответственность за будущее России. Например, я человек науки, мы пытаемся предложить проект «Сколково» с ядерным сектором — надеюсь, что получится. То есть я не говорю, что система уже идеально готова к тому, что люди будут возвращаться. Нужны еще очень большие усилия от тех, кто может вернуться, чтобы они действительно вернулись. И процесс оттока мозгов, если не будет больших изменений, к сожалению, продолжится. Потому что (опять возвращаясь к теме открытости экономики) наука — это вообще универсальное открытое мировое сообщество. Тут никаких границ нет, визы не ограничивают передвижений.

Например, почему будет продолжаться отток мозгов? Если здесь не будет каких-то научных проектов, которые притягивают аспирантов и студентов оставаться, то они уедут туда, где им интересно заниматься наукой. То есть

что нужно? Нужны большие и маленькие, разные научные проекты в России, новые проекты. Причем проекты не обязательно доморощенные, потому что сейчас могут быть и хорошие доморощенные проекты, но, к сожалению, часть науки в России уже отстала. То есть, нужны международные проекты, которые сейчас разрабатываются вообще в мире, нужно бороться за их размещение на территории России. Примерно так же, как это делалось для того, чтобы Чемпионат мира провести в России. Это цель. Например, Олимпиаду провести в России. Это цель благородная, все понимают. Разместить крупный международный проект в России — это будет очень большая стратегическая задача. Какой проект? Их много, можно лазерный фьюжн какой-нибудь, сейчас рассматривается много международных проектов в стадии проектирования и обсуждается, где они будут размещены. Например, все, конечно, знают, Большой адронный коллайдер в ЦЕРНе в Женеве. Статистика показывает, что каждый доллар или фунт стерлингов, вложенный в этот Большой адронный коллайдер, например, Англией, приносит обратно три доллара или три фунта, то есть один к трем. Представьте, если бы этот Большой адронный коллайдер был в России? Тогда эти технологические инвестиции и поток мозгов были бы в России. Что-то такое нужно, и это как раз имеет отношение к системе ценностей.

Л. Парфенов:

Ну а мы вернемся к тому, что пока течет нефть и хлещет газ, так ли нам нужен коллайдер, который на рубль дает три? Когда можно вложить рубль и получить 12.

Мы исчерпали повестку дня. Самое главное — ваше время, поскольку нам было сказано вписаться в 55 минут за 20 лет русского капитализма. Спасибо. Если нет каких-то соображений и никто не настаивает на

выступлении, как это говорилось на форумах прежде, то еще раз приятного аппетита и приятного продолжения работы на конгрессе. Спасибо.

А. Рахманов:

Спасибо.